Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Из цикла «В отцы годится» №11: Show Must Go On

В основе этого рассказа — реальные события. Придуманы только имена, места, антураж и детали.

***

Гюнтер Хохштайн отмечал свое 45-летие.

Казалось бы, не самая круглая цифра, бывают и покруглее, — но Лайли, домашний лепрекон Гюнтера, решила сделать из нее праздник ну прямо-таки национального масштаба.

Впечатленный ее размахом, Гюнтер предлагал кинуть эту идею в бундестаг. Но Лайли была левой и не верила в правительство. Она заявила, что эту идею похерят, как и все хорошие идеи.

— Старая сова Меркель скорей отпразднует юбилей своего траха с Бушем, чем юбилей хорошего человека, — сказала она, и Гюнтер не мог с ней не согласиться.

Лайли была, как уже говорилось, домашним лепреконом Гюнтера. Так он называл ее, — а также игуаной, рогастиком, гуманоидом и другими замысловатыми словами. Она привыкла говорить ему «вы», но при этом не церемонилась с ним, называла старой кофемолкой, монстром и герром Шнобелем (шнобель у Гюнтера и правда был что надо). Давным-давно, в прошлой жизни он подобрал ее в городе Грозном, куда заявился военным корреспондентом, и привез к себе в Ганновер, где из нее вытащили целый ящик осколков, а также отчекрыжили ей правую руку по самый локоть. Но Лайли все равно была левшой, и правая рука ей по большому счету только мешала, — так она говорила Гюнтеру. Протезы она глубоко презирала. Единственный, купленный когда-то Гюнтером, висел у нее на люстре, обрисованный маркерами, и назывался «Дланью Провидения».

С тех пор прошло целых 5 лет. За это время Лайли успела стать страшно знаменитой певицей и сменить 1000 и 1 имидж, побывав голубоволосой, зеленоволосой, красноволосой, разноцветноволосой, бритой под ирокез (именно за цветной гребень Гюнтер и прозвал ее игуаной), бритой налысо и ежистой, как арестант. Гюнтер скрипел зубами, глядя на безбровое чудо-юдо, которому подражали тысячи поклонниц по всей Германии, но не вмешивался.

— Ты национальное бедствие, — говорил он ей — Из-за тебя целые города массово теряют брови и красятся во все сразу.

— И супер! — басила ему Лайли. — Хардкор форева!

Наконец, в 16 лет она увлеклась йогой, естественностью и стала выступать в льняной рубахе. За полтора года ее черные локоны спустились ниже плеч, и на улице на нее все оборачивались, но уже совсем с другим выражением лица.

Месяц назад Гюнтер отпраздновал ее 18-летие, и это был праздник так праздник! С ним и с друзьями они кидались тортами, валялись в грязи, летали на воздушном шаре, выплясывали в клубе, а потом устроили настоящую попойку, причем Гюнтер лично заставлял ее пить «на слабо». Может быть, благодаря ему попойка всего лишь очень близко подошла к красной черте, но не перешла ее, — Лайли даже не блевала, о чем возмущенно заявила ему на следующий день. Но послевкусие все равно было на уровне.

Тогда-то она и загорелась этой идеей: превратить его день рождения в нечто настолько охренительное, что ее совершеннолетие и рядом не лежало.

— Встряхнем вас, чтобы старые кости цокали, как кастаньеты, — говорила Лайли, и Гюнтер

обреченно вздыхал:
— Только не трать на это все свое приданое, ладно?
Одним из подарков к ее недавной днюхе был открытый доступ к счету, где Гюнтер успел поднакопить приличную сумму.
— Ладно-ладно. Я ж скупердяйка, вы знаете.
***
Наступил долгожданный день.
Для начала Лайли бесцеремонно выдернула Гюнтера из постели и выкрасила его редеющую шевелюру красным и салатовым («нестойкая, нестойкая, не будьте занудой»).
Затем в квартиру ворвалась девчачья компания, презентовавшая ему подарок — розовую пижаму с быком и надписью «Возбужден и смертельно опасен».
После этого Гюнтеру устроили «допрос»: он должен был признаться, чего ему хочется так, что ну прям сил нет. Гюнтер отшучивался, но девицы делали «детектор лжи» — визжали, как поросята в агонии. Пришлось говорить, как есть.
Больше всего Гюнтеру хотелось, чтобы они все убрались и дали ему поспать, но этого он говорить не стал и начал со второго по силе желания — чтобы его никто не дергал звонками и поздравлениями. Тут же все его мобилки были торжественно казнены через обесточивание.
Следующим желанием был тайский массаж. Когда Гюнтер вышел оттуда, розовый и разомлевший, желания поперли из него, как фарш из мясорубки — пообедать в старой харчевне, вздремнуть на травке, погладить медведя... Проезжая мимо лавки букиниста, Гюнтер вдруг вспомнил, что он библиофил, нырнул туда и вынырнул через час, обалдевший, как тот самый медведь. В руках у него были свертки с тремя дорогущими талмудами. Похоже, юбилей удался.
Перед сном к нему зашла Лайли в ночной рубашке, краснощекая и почему-то смущенная (иногда на нее находило).
— Мой дорогой монстр... эээм... — начала она тихо и торжественно.
— Что, мой дорогой гуманоид?
— Я хотела сказать... эээ...
— Кажется, ты хотела сказать мне что-то приятное, но стесняешься, — Гюнтер подошел к ней. — Тогда давай лучше я скажу. Это самый лучший день в моей жизни, и я не собираюсь делать вид, что ты тут ни при чем. Если я тебя обслюнявлю, ты меня ударишь?
Он чмокнул ее в горячую щеку. Лайли шумно вздохнула.
— Раз ты меня не бьешь, я зайду еще дальше. Кажется, кое-кто рос, рос и вырос в самую настоящую богиню. Не обижайся, Лайли. Просто ты стала бессовестно красивой, вот и все.
Она дернула его за нос и выбежала из комнаты. «Вот козленок», — думал Гюнтер, прислушиваясь к теплому послевкусию дня.
Через пять минут, когда он уже надел пижаму (новую, с быком, хоть она и была на два размера больше), Лайли зашла снова.
— М? По-моему, мне идет, а? — Гюнтер приосанился.
— Угу...
Она была какой-то странной. Щеки ее горели, глаза тоже, и неизвестно, что больше.
— Ну давай уже, решайся и говори, что хотела сказать, — подмигнул ей Гюнтер. — Я же вижу, что оно в тебе сидит и никак не выскочит. По спине похлопать?
— Не надо, — хрипло сказала Лайли. — Я... да, я хотела сказать вам кое-что. Во-первых... Пять

лет назад один носатый монстр подобрал одного бездомного лепрекона. Это было очень непрактично, потому что лепрекон был невоспитанный и гадил на паркет, и... Но...
— Так, — сказал Гюнтер. — Сейчас будет что-то очень пафосное.
— Не перебивайте! Я хочу сказать, что... невозможно сказать, сколько вы сделали для меня. Вот. И невозможно сказать, как я вам благодарна. Просто нет таких слов. И я не могу вас отблагодарить так, чтобы... Но кое-что я все-таки могу. Это мизер, но это... это все, что я могу. Для вас.
Лейла помолчала. Потом рывком сняла рубашку.
Гюнтер, раскрыв рот, глядел на ее аккуратно выбритый передок. Потом прокашлялся:
— Эй, ты что задумала? Рогастик, это не смешно. А ну брысь отсюда! Я не смотрю на тебя, — и отвернулся.
— Подождите! Ну чего вот сразу так? Вы же...
— Брысь, говорю!
— Мне уже восемнадцать! Так что никаких брысь!
Гюнтер застонал.
— Ну какой же ты невыносимый, невозможный, не...
— Заткнитесь! И послушайте. Я знаю, я... я понимаю.
— Что ты понимаешь?
— Понимаю, что такое... подобрать девчонку моего возраста. И растить ее, и все время видеть, и... Мы никогда не об этом не говорили, потому что... потому что вы потрясающий. Но я все равно все видела и понимала. Думаете, лепреконы дураки... то есть дуры? Сначала я специально делала из себя уродку. А потом мне пришла одна мысль, и... я кое-что для себя решила. Монстр, мне восемнадцать. Все ваши тайные мысли и желания — только не говорите, что их не было у вас, — все они... Короче, сейчас уже все это можно. Сейчас это уже не будет говном. Монстр, вы победили. Вы выдержали это испытание на сто с плюсом. И вы заслужили награду.
Гюнтер повернулся к ней и молча слушал. Потом сказал совсем другим тоном:
— Лайли, давай забудем, ладно? Ты этого не говорила, я не слышал. Ты не приходила сюда. Пожалуйста, оденься и иди к себе.
— Но... это действительно подарок от души, — сказала Лайли совсем тихо. — Это все, что я могу вам подарить. У меня ничего нет... подходящего, и я дарю вам... — Лайли, но я не могу! Тебе восемнадцать, да, у тебя взрослое тело, взрослая грудь... Но для меня ты всегда останешься маленькой девочкой, понимаешь?
— Но ведь вы сами говорили, что так важно понять, когда ребенок повзрослел, и не считать его всю жизнь маленьким! А то он так и не вырастет из памперсов. Вы сами так говорили! И ругали мамаш, которые со своими сынками двадцатилетними, как со школьниками, и сами стараетесь меняться со мной, я же вижу! И вот я уже взрослая, а вы этого так и не заметили, и я для вас малолетняя шмакодявка...
Гюнтер пристально посмотрел на нее.
Потом вздохнул и сделал шаг к ней. Потом снова вздохнул и сделал еще шаг.
Потом подошел вплотную и взял за плечи.
Лайли закрыла глаза...
— Ты говоришь, как опытный иезуит, — сказал Гюнтер. — Но ты потрясающая. И это искушение слишком сильно для меня. Ты удивительная, Лайли.

Он нагнулся и не спеша, как в замедленной съемке, обволок губами ее сосок, корчащий конусом вверх. Лайли заскулила, не открывая глаз.
— Ты удивительная, — продолжал он, — и ты сделала мне удивительный подарок. Я не знаю, как принять его, но уже не смогу от него отказаться...
Он поцеловал второй сосок, поддев его кончиком языка. Лайли снова пискнула.
— Не знаю, как мы это переживем, и как нам с тобой теперь быть, но... Не бойся. Я постараюсь, чтобы тебе было хорошо. Тебя ведь еще никто так не ласкал?
Лайли замотала головой.
— Раз уж мы с тобой так откровенны, и ты сделала мне такой подарок, я вначале хочу насладиться всеми его деталями... ты не против?
Она снова мотнула головой, и Гюнтер вернулся к ее груди.
Он долго, долго смаковал и щекотал губами пухлые рожки, вздернутые вверх. Потом перешел на шею, целовал плечи, недоверчиво щупал и поглаживал руки, спину, бедра, будто не мог понять, наяву все это или во сне. Он не старался возбуждать Лайли и прикасался к ней благоговейно, как к святыне, упиваясь нежданной близостью.
— Ты удивительная, — повторял он. — У тебя удивительная грудь, спина, плечи... тебя невозможно выдержать, Лайли.
Потом опустился перед ней на колени и ткнулся губами в стыдную щель, целуя складки и все, что рядом с ними. Лайли медленно покачивалась с закрытыми глазами.
Трудно сказать, сколько длилось это священнодействие. Оно продолжилось в постели, где Гюнтер раздвинул ножки Лайли и долго общался с ее интимным уголком, обсматривая, ощупывая и обцеловывая каждый его миллиметр. Лайли тихонько скулила, не открывая глаз. Гюнтер и сам едва не всхлипывал от умиления, щекоча языком тугую ямку входа в ее тело. Потом подтянулся и лег сверху.
— Не бойся, — шептал он. — Мы сделаем это, когда ты будешь готова. Ты можешь сама сказать мне... Можно поцеловать тебя?
Лайли утвердительно мычала, и тот осторожно пробовал губами ее губы. С каждым касанием они раскрывались все шире, и Гюнтер влипал в них крепче, глубже, всасывая в себя терпко-сладкую влагу, пробиравшую до яиц. Язык его проник внутрь, коснулся языка Лайли, слепился с ним, губы срослись в пульсирующий ком... и вот уже она стонала и гнулась под ним, а он медленно тонул в горячей воронке, пружинящей под его членом.
— Все, я уже в тебе, моя девочка... и ты уже не девочка... мы с тобой сделали это, сделали... тебе не больно? — шептал он, распирая упругую плоть. — Я буду осторожно, очень осторожно... ты такая сладкая... аааа... — и стонал, чувствуя, что не может говорить, и нырял глубоко в губы Лайли, ловившие его поцелуи, и жарко обнимал всю ее, прижимал к себе, будто хотел склеиться с ней не только губами и гениталиями, но и кожей...
— Ыыыхр! Ы! Ы! — плакал он, разбрызгиваясь в ней искрами своего запретного радужного счастья, и намазывал Лайли на себя, как густой мед, и влипал в ней, как муха, и плавился в обжигающем сиропе ее тела...
Потом долго лежал на ней, отгоняя лишние мысли.
— Спасибо, — наконец сказал он и крепко поцеловал бедную Лайли. Она выгнулась, и Гюнтер ощутил, что он все еще в ней. — Я не прощу себе, что сделал это с тобой, но... спасибо.
— Все равно лучше вас этого никто бы не сделал, — хрипло отозвалась Лайли, и Гюнтер долго и благодарно целовал ей щеки и глаза. Потом сказал:

— Ты не кончила. В первый раз это редко бывает… хочешь? — и упоенно лизал и месил ее промежность, горькую от крови, и когда Лайли выкрутило в первом спазме, и она закричала, молотя бедрами кровать — он долго мучил ее, наполняя наслаждением распаленное тело, и потом не выдержал и снова вошел вглубь, изрыгая звериный рык, и вбивал, вбивал, вбивал туда кол своей похоти, глядя в изумленные глаза Лайли, пока не вылился и не выкричался в нее до капли…

***

— Я блефовал, — сказал он, когда отдышался.

Лайли лежала у него на груди, и он гладил ее, уткнувшись в щекотные локоны.

— М?

— Я трахнул тебя, но все равно не относился к тебе, как ко взрослой. Я сейчас трахнул маленькую девочку.

Лайли зарылась покрепче в подушку.

— Лепрекончик! — позвал он ее.

— А?

— Прошло столько лет. Ты теперь взрослая… и мы с тобой любовники. Я лишил тебя девственности… но я до сих пор не знаю ничего о твоей прошлой жизни. До меня. Я знаю, это тяжело… но может быть, сейчас, когда мы близки, как никогда еще не были…

— Прошлой жизни не было, — сказала Лайли. — Я родилась, когда вы нашли меня.

Гюнтер ничего не ответил. Он просто гладил Лайли — жадно, будто никак не мог насытиться токами ее тела, — и она сопела под его рукой.

Он не думал, что она заговорит, и уже слегка дремал, когда снова услышал ее голос:

— Вы правы. Это нужно рассказать сегодня. Итак… Жила-была одна девочка. Ее звали Лейла — так это имя звучит на ее родном языке. Она жила шесть лет до войны и семь в войну, и ей казалось, что война была всегда. Она любила петь. А еще в ней сидела куча осколков, которые не могли вытащить, потому что… не могли, и все. Ей было больно, и она привыкла к боли, как люди привыкают к звукам или запахам. А потом к ней пришли бандиты. В ее городе много таких ходило, потому что не было полиции, не было закона, и вообще ничего не было, даже еды. Бандиты сказали — «если вы отдадите нам все драгоценности — мы вас просто расстреляем, а если нет — зарежем, как баранов». Семь лет войны… взрослым не хотелось жить. И детям тоже. У бандитов только спросили имена, чтобы назвать их Богу на том свете. Ильяс Мамедов, Самир Гетоев… Девочка хорошо, очень хорошо запомнила эти имена. Очень хорошо… Ее не застрелили, как других, потому что она сказала бандитам, что они гандоны. Что они грязные прокладки старой шлюхи. Что они… Девочка много наслушалась разных слов в той войне, и все они пригодились. Бандиты не застрелили ее. Они сказали — «мы тебя нарежем, как ветчину» — взяли ее руку, и… И тогда девочка стала петь свою любимую песню — «Show Must Go On». Она пела… хотя вряд ли это можно было назвать пением. Она орала слова песни, раздирая горло… а потом был залп. Попало во двор, много людей посекло… Бандиты убежали. А девочка обмотала тряпкой то, что осталось от ее руки, и выползла из квартиры. Она много раз теряла сознание и плохо помнит, что и как…

Голос Лайли дрожал, срываясь на крик.

Гюнтер гладил ее, сцепив зубы. Потом не выдержал и набросился на Лайли, лихорадочно зацеловывая ее, подминая рыдающее тело, чтобы закатать его все в себя и схоронить внутри, в безопасности и тепле, и потом незаметно оказался снова в ней, и они ревели и терзали друг

друга в этом бешеном сексе с болью вперемешку, пока не устали и не обмякли друг на друге, и не уплыли вдвоем в нирвану, где не было ни боли, ни слез...

***

Наутро Лайли не оказалось дома.

Такое бывало не раз. И любой другой на месте Гюнтера не придал бы этому никакого значения. Мало ли куда могла уехать восемнадцатилетняя девушка в девять утра. Телефон не отвечает — значит, в метро. Или разрядился. Или глючит связь...

Но он был именно на своем месте — Гюнтер Людвиг Хохштайн, прошедший пять горячих точек. Раскрывший не одну сенсацию. Поднявший не одну грязную тайну...

Убедившись, что с люстры исчезла «длань Провидения», он кинулся к шкафу Лайли. Выругался, увидев, что полка с бельем почти пуста, и орал через минуту в телефон:

— Такси? В аэропорт!

И стонал, пока ехал — «какой же я идиот! Господи, помоги мне!»

Уже в дороге он вышел в сеть, чтобы проверить три вещи. Хмыкнул, убедившись, что Лайли сняла все деньги со счета. Хмыкнул опять, просмотрев ее френдов в фейсбуке.

Третьей вещью было расписание. Найдя тот самый рейс, Гюнтер крикнул водителю:

— Жми на полную! Пятьсот евро! — и водитель, ругаясь, прибавил скорость.

В запасе было минут двадцать, не больше. Влетев в терминал, он побежал к нужному gate.

Ему повезло: почти сразу он увидел ее.

— Лайли! Стой!

Она заметалась — и через минуту канючила жалобно, как первоклашка, — «пустите!» — а тот держал ее за плечо:

— Куда пустить? Самира Гетоева убивать? А?

— Почему убивать? — бормотала Лайли, скосив глаза. — У меня свои дела...

На них смотрели, но Гюнтер гремел, как пророк:

— Такие важные деловые дела, что сбежала, не сказав ни слова мне? После вчерашнего?!

— А почему это я должна перед вами отчитываться? Я взрослая, мне восемнадцать! Ваше дите уже выросло, герр Шнобель! Переживаете, как мамаша-наседка, что мне никто памперс не поменяет?

(«Господи, дай мне ума!» — молился Гюнтер.)

— Ерунда. Я не хочу тебя отпускать из чисто эгоистических соображений.

— А, ну да, конечно! О своих драгоценных нервах печетесь, и чтоб инфаркт не хватил, когда будете тут переживать за меня...

— Пальцем в небо, — сказал Гюнтер, и Лайли замолчала. — Просто... просто я не могу жить с мыслью, что это у нас было в последний раз.

Брови Лайли поползли вверх.

— Я хочу еще, — говорил Гюнтер, глядя ей в глаза. — Я хочу тебя, Лайли. Хочу трахнуть тебя. Сегодня. Сейчас.

Кто-то хихикнул.

На ошалевшем личике Лайли блуждало выражение, которое не взялся бы описать ни один писатель.

— А потише нельзя? — прошипела она, стараясь быть грубой. Но у нее все равно получилось застенчиво. — Я, между прочим, не шлюха...

— ... Похотливое животное! — жалобно кряхтела она дома, когда Гюнтер срывал с нее тряпки

прямо в прихожей. — Озабоченный носатый монстр!
— Я жить без них не смогу, — бормотал Гюнтер, облизывая ее соски.
И вдруг понял, что это не только манипуляция, вовремя подсказанная ему Богом, не подкачавшим в трудную минуту, но и чистая правда.
***
— Могла и не превращать себя в игуану, — говорил он ей потом. — Я не стал бы к тебе приставать.
— Но... у нас знаете, как всегда было? Какие у нас мужики, знаете?..
О соотечественниках Лайли Гюнтер знал больше многих немцев, хоть и меньше, чем ему хотелось бы.
Его скромных знаний, однако, хватало, чтобы понимать: она могла казаться немкой, она говорила по-немецки без акцента, но... Никакая страсть и никакие гормоны не выбьют из ее головы мысль о мести.
Один из ее мучителей погиб, другого Гюнтер нашел у Лайли в фейсбуке. Было ясно, что их встреча — дело времени.
Поэтому он стал действовать двояко. С одной стороны, Гюнтер утопил ее в неизбывном сексе и утонул в нем сам. Он сношал Лайли по три раза в день, изнурив ее и себя. Все это обрушилось на Лайли вдруг, и она опешила. За неделю она превратилась в оглушенную самку, у которой осталось только тело, похоть и сон.
— Я слишком долго терпел, и теперь хочу воплотить все свои грязные фантазии, — говорил ей Гюнтер и сам верил в это.
С другой стороны, он не сидел сложа руки. Когда все, что можно было сделать в Ганновере, было сделано, он сказал Лайли, что на недельку смотается по делам в Париж. Он нередко так уезжал, и именно в Париж, — в этом не было ничего особенного, и Лайли только просила, чтобы он поскорей вернулся.
— Я теперь не проживу без секса, как без воды, — говорила она.
В Париже Гюнтер сел на самолет в Москву...
Тремя днями спустя сутулая девушка в платке, озираясь, подходила к одноэтажной развалюхе за МКАДом.
— Привет, — сказал знакомый голос. Девушка вскрикнула — перед ней был Гюнтер. — Какая приятная встреча!
— Вот в каком вы Париже! — зашипела Лайли.
— Вот в каком ты Ганновере!..
— Да тише вы! Будто не знаете, где мы...
— Знаю. Самира тут нет.
Лайли передернуло:
— Как это нет?
— Так. Мой друг-хакер помог мне взломать его фейсбук. Этот милый домик — место нашего с тобой свидания, не более.
— Что?! — Лайли задохнулась от возмущения. — Значит, это вы развели меня?! Придумали этот адрес, чтобы...
— Наконец тебя осенило, лепрекончик. Давай теперь договоримся...
— Не хочу я с вами ни о чем договариваться!
— ... Договоримся о двух вещах. Первая: хочешь работать вместе — давай вместе. Только не

лезь одна, пожалуйста.
Лайли замолчала. Потом спросила:
— Как вместе?
— Так. Я ведь не только тебя разводил. Пока ты пускала во сне пузыри счастья, я почти нашел этого Самира. Я хочу того же, что и ты, Лайли. Мы союзники.
Она смотрела на него во все глаза.
— Вы тоже хотите его убить?
— Я хочу его наказать. Только не своими руками, а по закону.
Лайли скривилась, и он добавил:
— Так будет гораздо страшнее. Ему. Ну что? Вместе?
— Вместе, — кивнула она, подумав. — А какая вторая вещь?
— А вторая вещь такая: если я тебя сегодня не трахну — я подохну от похоти, и тебе таки придется ловить его самой...
Суд над Самиром Гетоевым состоялся через полгода.
Обвиняемый все отрицал. Он глядел в глаза Лайли и утверждал, что видит ее впервые.
И тогда Лайли вдруг запела:
Empty spaces, what are we living for
Abandoned places, I guess we know the score
On and on, does anybody know what we are looking for
Another hero, another mindless crime
Behind the curtain, in the pantomime
Hold the line, does anybody want to take it anymore
Showmustgoon!
Реакция обвиняемого удивила даже видавших виды орлов юриспруденции: он затрясся, посинел, крикнул — «сацийта! *» — и рухнул на стол, потеряв сознание.

---

*"Хватит!» по-чеченски. (Прим. авт.)